

Бай Циань, приняв лекарство, изготовленное Системой, пошел на поправку с невероятной скоростью. Помимо того, что сыпь на теле еще не сошла, остальные симптомы болезни исчезли. Врач был немало удивлен, но мог лишь списать всё на тщательный уход Бай Цзиня и Гу Яньли.

Однако по мере выздоровления прыщики на лице и теле начали нестерпимо чесаться. Бай Циань уже хотел попросить Сяо Мэй дать ему еще лекарства в долг, но, взглянув на счет, решил, что может еще немного потерпеть.

Его рука невольно потянулась к лицу, чтобы слегка почесать зудящее место, но Гу Яньли тут же мягко перехватил его ладонь.

— Не трогай, а то останутся шрамы! — строго сказал Гу Яньли. Глядя на него, Бай Циань невольно вспомнил, что Гу Яньли всегда питал слабость к красивым людям. Раньше, когда они вместе занимались, тот часто завороченно смотрел на его лицо, и Бай Циню приходилось окликать его несколько раз, чтобы привести в чувство.

Бай Циань поддразнил его:

— Что такое? Если я покроюсь шрамами и стану некрасивым, ты перестанешь со мной дружить?

Это была лишь шутка, но Гу Яньли воспринял её всерьез и с самым серьезным видом ответил:

— Даже со шрамами ты останешься самым красивым маленьким бобовым зернышком. Просто если ты расчешешь оспины, жидкость попадет на кожу, и там появятся новые прыщики. Тебе же будет только хуже.

Бай Циань замер, чувствуя, как внутри разливается тепло. Видя, что Гу Яньли расстроился из-за его слов, он поспешно улыбнулся и сказал:

— Я же просто шучу. В моем сердце ты, конечно, тоже самый лучший.

Гу Яньли сразу просиял. Бай Циань подумал, что Гу Яньли похож на маленького щенка: стоит погладить по голове, как он тут же успокаивается. Глупый щенок начинает любить человека, стоит тому лишь раз погладить его по голове, а глупый человек, погладив щенка, остается с ним на всю жизнь.

Прошло еще десять с лишним дней, и оспа у Бай Цианя полностью прошла. На теле и лице не осталось ни следа. Бай Цзинь был удивлен и считал, что Бай Цианю просто очень повезло: к счастью, переболев один раз, человек больше не заразится.

Гу Яньли мог бы вернуться домой, но Бай Циань опасался, что если тот все же подхватил

инфекцию, то заразит всю семью Гу. Здесь, рядом с ним, он мог присматривать за другом. К счастью, лекарство Системы оказалось очень эффективным, и Гу Яньли, так усердно ухаживавший за ним, оставался бодрым и здоровым.

Хотя люди из поместья Гу каждый день приходили справляться о здоровье, если бы Гу Яньли не вернулся сейчас, то, пожалуй, старейшины клана Гу пожаловали бы лично. Гу Яньли было жаль расставаться с днями, когда они с Бай Цианем вместе ели и спали, и он проявлял явное нежелание уходить.

Бай Циань посмеивался: как можно так любить прислуживать другим? Он несколько раз пообещал, что, отдохнув еще немного, вернется к занятиям вместе с ним и даже переночует у него в гостях, и только тогда Гу Яньли успокоился.

При расставании Бай Циань хотел проводить его до ворот, но Гу Яньли решительно воспротивился, не желая, чтобы тот простудился на ветру. Бай Цианю пришлось остаться у порога комнаты. Вдруг он вспомнил слова отца о том, что Гу Яньли подсовывал что-то под его кровать, и спросил:

— Что ты принес в тот день? Вел себя так таинственно.

Щеки Гу Яньли вспыхнули, он немного заикаясь ответил:

— Ни-ничего особенного, откроешь, когда я уйду! — и выбежал, словно порыв ветра. Бай Циань с усмешкой проводил его взглядом, дождался, пока он скроется из виду, и вернулся в комнату, чтобы найти спрятанную вещь.

Когда Бай Циань увидел шкатулку для буддийских сутр из розового дерева с резным узором дракона, он лишь покачал головой: клан Гу был настолько богат, что такие вещи валялись у них под кроватью. Открыв шкатулку, Бай Циань изумился.

Внутри лежала небольшая деревянная статуэтка богини Гуаньинь. Лицо богини, нежное, словно ива в весеннем лунном свете, и одухотворенное, как утренняя заря, с полуприкрытыми глазами и легкой улыбкой, в точности повторяло черты самого Бай Цианя.

Бай Циань потрогал свой амулет долголетия на груди и внимательно рассмотрел такой же нашее статуэтки — сходство было поразительным. Судя по неопытной резьбе, это была ручная работа самого Гу Яньли. Статуэтка была гладкой на ощупь, без единой зазубрины — неизвестно, сколько времени он потратил на её полировку.

Гу Яньли всего раз внимательно взглянул на его амулет и смог его вырезать. Бай Циань подумал: похоже, слова Гу Яньли о том, что он сдаст экзамены, не были пустым хвастовством — добиться успеха на этом поприще для него не составит труда.

На самом дне шкатулки лежало письмо. Бай Циань открыл его и увидел три листа, исписанных извинениями. Гу Яньли перечислял все свои ошибки, расхваливал Бай Цианя и умолял его, как человека великодушного, не сердиться и не игнорировать его.

Бай Циань читал и улыбался, не в силах сдержать довольную улыбку. Его глаза сияли, когда он снова посмотрел на статуэтку. Он знал, что Гу Яньли всегда любил только золото и драгоценности, был ленив, жаловался на усталость после пары строк письма и на боль в ногах после короткой тренировки. Тем ценнее был этот подарок: даже дерево для статуэтки — сандал с густым ароматом — было выбрано потому, что Бай Циань как-то вскользь упомянул, что оно ему нравится.

Бай Циань дорожил подарком, но еще больше ценил чувства Гу Яньли, зная, сколько сил и времени тот на это потратил.

Вернувшись домой, Гу Яньли, конечно, столкнулся с тем, что родные были одновременно сердиты и довольны. Гневались они из-за его пренебрежения собственной безопасностью, а радовались тому, что он оказался способен на такую верность другу. Пусть он был озорником, но в человеческих отношениях проявлял себя достойно. Купцы ценят выгоду, но должны ценить и долг — даже если Гу Яньли ничего не достигнет в жизни, он точно не будет притеснять своих сородичей.

Так и вышло: узнав, что слуг, сопровождавших его, высекли и лишили жалованья на три месяца, Гу Яньли приказал Тяньмо выдать каждому по пятнадцать лянов серебра на лечение. А тех, кто был слугами Матушки Гу, он распорядился перевести к себе, как только они поправятся. Слуги знали, что работать у Гу Яньли хоть и хлопотно, но прибыльно, поэтому были безмерно благодарны.

Некоторые из домашних рабов надеялись очернить семью Бай перед главой клана Гу, дождавшись возвращения больного хозяина, но врач после осмотра заявил, что здоровье Гу Яньли стало даже лучше, чем прежде.

Гу Яньли восторженно рассказывал Матушке Гу, как весело ему было в доме Бай. Старушка подшутила:

— Так нравится семья Бай? Нянюшка Бай вчера говорила, что ты любишь её засахаренную вишню — иди к ней в приемные внуки! Как раз я тоже хотела бы такого послушного внука, как Ань-эр.

Гу Яньли, хихикая, прильнул к Матушке Гу и принялся осыпать её комплиментами, пока все вокруг не рассмеялись, забыв о прошлых обидах. А тех слуг, что пытались плести интриги, Госпожа Шэнь проучила, после чего они с досадой удалились, продолжая тайком злословить о семье Бай.

После того как Бай Циань выздоровел и вернулся на учебу в поместье Гу, домашние заметили, что Гу Яньли стал словно конь, которого привязали к коновязи. Он по-прежнему вел себя

бесстрашно, но стал гораздо больше ценить дом. Если раньше он не хотел возвращаться, то теперь, приходя домой, сразу приводил себя в порядок и тихо шел искать Бай Цианя.

Семья Гу удивлялась: Гу Яньли никого не слушал, но стоило Бай Циню что-то сказать, как это становилось важнее императорского указа. Госпожа Шэнь привыкла, что для вразумления сына нужно было лишь посмотреть на Бай Цианя, и тот, вздыхая, мягко убеждал друга, а Гу Яньли послушно внимал.

Видя, что Гу Яньли совсем не любит книжную науку, Бай Циань предложил Гу Шаню найти для него учителя боевых искусств. Гу Шань подумал: времена становятся все тяжелее, в торговых поездках только и слышно, что разбойников стало больше, да и сюнну на севере ведут себя беспокойно, угрожая делам в Мокэ. Не обязательно становиться великим воином, но крепкое здоровье не помешает, и он согласился.

Возможность меньше учить уроки обрадовала Гу Яньли, но площадка для тренировок находилась далеко от кабинета, где занимался Бай Циань, и они надолго расставались. Гу Яньли был крайне недоволен, весь день ходил с надутыми губами.

Бай Циань теперь оставался в поместье Гу чаще, чем бывал дома. Вечером, когда Гу Яньли расчесывал ему волосы, Бай Циань увидел в медном зеркале его надутую физиономию и, перебрав в уме все события дня, не нашел причин для обиды.

— Что случилось? Ты сам вызвался причесывать меня, а теперь такой вид.

Гу Яньли поспешно воскликнул:

— Эй, не двигайся, волосы дернешь, будет больно! Дело в тебе, но и не в тебе... — он тяжело вздохнул. Бай Циань, спросивший это ради приличия, удивился:

— Что-то случилось? Я тебя чем-то обидел?

Гу Яньли молчал, и лишь когда они легли в постель, с трудом выдавил:

— Эх... я просто подумал, что если буду заниматься боевыми искусствами, то придется идти во внешний двор, а ты останешься здесь за книгами... Мы будем видеться только полдня...

Услышав это, Бай Циань прыснул со смеху, поражаясь привязчивости Гу Яньли. Он погладил его по голове:

— И только из-за этого ты так долго грустил?

Гу Яньли заерзал и проворчал:

— Я знал, что ты сочтешь это пустяком. Хм, я еще и мешаю тебе учиться, ты, наверное, давно хотел, чтобы я ушел, иначе зачем попросил отца найти мне учителя? — он отвернулся к стене.

Бай Циань толкнул его в плечо:

— Кто вчера говорил, что скоро день рождения и он уже взрослый? А сам дуешься из-за такой мелочи. Повернись, я придумал, как нам быть.

Гу Яньли тут же повернулся, желая узнать идею.

Бай Циань, глядя в его ожидающие глаза, перестал шутить и прошептал:

— Я думал, что ты так не любишь учиться, что обязательно будешь прогуливать уроки, когда придет учитель. Может, лучше учиться по полдня? Если хочешь, давай приберем кабинет за вторыми воротами, я буду заниматься там. Ты будешь тренироваться снаружи, а я открою окно, и мы будем рядом, хорошо?

Гу Яньли пришел в восторг и закивал. Бай Циань, видя, что тот становится слишком шумным, прикрыл ему рот рукой и прошептал:

— Тогда ты должен пообещать мне одну вещь.

Гу Яньли схватил его за руку и закивал. Бай Циань убрал ладонь, но Гу Яньли не отпустил его руку, продолжая её поглаживать.

— Да не одну, я выполню все, что ты попросишь!

Бай Циань прищурился, и Гу Яньли смущенно хихикнул, вспомнив, как однажды не послушал совета учиться тихо и не пялиться на него.

— Дядя сказал, что после твоего дня рождения придет учитель. Не думай о том, как сбежать. Обещай мне, что даже если будешь тренироваться, то будешь выполнять все задания. И не смей дерзить учителю. Даже если не хочешь учиться, просто посиди рядом со мной, договорились?

Сердце Гу Яньли наполнилось медом. Как он мог отказать, когда Ань-эр так заботится о нем? Если Ань-эр сердится, значит, он сам сделал что-то не так.

Увидев, что он согласился, Бай Циань успокоился. Гу Яньли хоть и был озорником, но почти всегда выполнял свои обещания. Он слегка улыбнулся, и Гу Яньли, видя его улыбку, придвинулся ближе и принялся расспрашивать, как Бай Циань хочет отпраздновать его день рождения.

Бай Циань рассмеялся:

— Это твой день рождения, почему ты спрашиваешь меня? Конечно, решать тебе, имениннику!

Гу Яньли прильнул к нему:

— Мы же не чужие друг другу. Раз уж ты сказал, что решать мне, то ты тоже должен пообещать мне одну вещь, идет?

Бай Циань заинтересовался и согласился. Перед сном он размышлял: Гу Яньли наверняка попросит его не заставлять его сидеть за книгами?

Через несколько дней кабинет за вторыми воротами был готов. По настоянию Гу Яньли оформлением занимался он сам, хотя на самом деле он спрашивал совета у Бай Цианя по поводу каждой безделушки. Они провозились целую неделю, прежде чем всё было готово.

С тех пор один занимался чтением в комнате, а другой тренировался снаружи. Гу Яньли стоило поднять голову, чтобы увидеть Бай Цианя за столом у окна, и на душе у него становилось светло и спокойно.

<http://bllate.org/book/20696/2067699>